(«Житие Илариона Мегленского»).41 В епифаниевских рассуждениях о задачах жития, о неисчислимости деяний и подвигов святого и так далее много общего с тем, что мы читаем и в житиях Евфимия Тырновского, но вместе с тем в рассуждениях такого рода у Епифания отчетливо выделяются и элементы конкретности, автобиографичности. Помимо еще более многословных, чем у Евфимия, и не менее риторичных общефилософских рассуждений, Епифаний ярко воссоздает конкретную историю написания им жития, говорит о реальных затруднениях, встававших перед ним, когда он брался за свой труд. Приведем для сравнения с евфимиевскими текстами отрывки из вступления к «Житию Сергия»: «Дивлю же ся о сем, како толико лет минуло, а житие его не писано. О сем съжалихся зело, како убо таковыи святыи старець, пречюдныи и предобрыи, отнележе преставися — 26 лет преиде, — никто же не дръзняще писати о немь, — ни далнии, ни ближнии, ни большие, ни меншие: болшие убо яко не изволяху, а меншии яко не смеаху. По лете убо единем или по двою по преставлении старцеве, аз окаанныи и вседръзыи дръзнул на сие, въздохнув к богу и старца призвав на молитву, начях подробну мало нечто писати от житиа старьцева, и к себе втайне глаголя: "Аз не хватаю ни пред кым же, но себе пишу, а запаса ради и памяти ради и ползы ради". Имеях же у себя за 20 лет приготованы таковаго списаниа свитки, в них же беаху написаны некыя главизны, еже о житии старцеве памяти ради: ова убо в свитцех, ова же в тетратех, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напреди ... И оттоле нужда ми бысть распытовати и въпрашати древних старцев прилежно, сведущих въистину известно о житии его, якоже святое глаголет писание: въпроси отца твоего и възвестит тебе, и старца твоя рекут тебе; елико слышах и разумех, отци мои поведаща ми, елика от старець слышах, и елика своима очима видех, и елика от самого уст слышах, и елика уведах от иже вслед его ходившаго время не мало и възлиавшаго воду на руце его, и елика другаа некаа слышахом и от его брата стареишаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепископу Ростовьскому ... Како могу аз бедныи в нынешнее время Сергиево все по ряду житие исписати, и многаа исправлениа его и неизчетныя труды его сказати?» (стр. 2-5).

Итак, сравнение творчества двух наиболее известных русского и южнославянского агиографов конца XIV—начала XV в. показывает, что, несмотря на общие тенденции в творчестве обоих авторов, между их произведениями имеется ряд существенных различий. Общие веяния, характерные для конца XIV—начала XV в., нашли своеобразное, национальное отражение на юге славянства и на Руси.

Как известно, ко времени жизни и творчества Евфимия Тырновского и Епифания Премудрого относится еще одно южнославянское житие — «Житие преподобного Ромила», написанное учеником Ромила, монахом Григорием, в самом конце XIV—начале XV в. 42 От произведений Евфимия Тырновского это житие отличается гораздо большей простотой. «У нашего Григория мы видим больше простоты, больше естественности, больше реальности даже и там, где он мог бы дать волю своему воображению . . . Даже и в тех случаях, когда он рисует картины из мира отвлеченностей, и там он прибегает к реализации отвлеченных предметов, которую иногда исполняет весьма удачно». 43 В «Житии Ромила» встречаются жизненные, реалистические эпизоды, народные выражения

⁴¹ Там же, стр. 28.

 ⁴² См.: П. А. Сырку. Монаха Григория Житие преподобного Ромила. СПб., 1900.
43 Там же, стр. XVI.